

Черниенко Ю.А. 1991. О принципах формальной классификации помещений сабаатиновских поселений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Херсон.

Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. К.

Шапошникова О.Г. 1992. Розкопки в Бузько-Ингулецькому межириччі // Археологія. №1.

Шарафутдинова И.Н. 1987. Исследование поселения сабаатиновской культуры на Южном Буге // АО 1985 года. М.

Шарафутдинова И.Н. 1979. Раскопки поселения сабаатиновской культуры у с. Степовое // АО 1978 года. М.

Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. К.

Южно-Украинская АЭС и археология (путеводитель по выставке). 1995. Южноукраинск.

SUMMARY

This article is devoted to analysis of the planning of the Sabatinovka culture settlements. The linear (street) planning is most widespread. For it, the square permitting to build one or some lines of houses is practically sufficient (in North Pontic Area) landscape condition. Adaptation of such planning to building on slopes (the terraced type of building) is distinctive (Stepovoe and some other settlements). The dispersed type of building is possible only if the square for construction is sufficiently large (the upper stratigraphical horizon of the settlement Schutskoe I). The compact building of large territories of some settlements, architectural blocks (block planning) are especially interesting. The settlement Vinogradniy Sad is situated on the narrow (100 m) terrace on the right bank of Yuzhnyi Bug river. Compact and more spacious building is researched. On the north the settlement was limited by the steep cape. But ancient people were able to build spaciouly down stream. Maybe, it was not desirable to move away from the granitic cliff near which the settlement was situated. But sometimes it is impossible to explain the compact building by landscape conditions in view of plenty of free squares (Voronovka II, Oktyabri I and so on). There were attempts to explain such planning by Aegean traditions. However, it was noted that it had widespread archaeological and ethnographical analogies. We may suppose that architectural blocks reflect something like ideological (maybe, patronimical) unity of their inhabitants. The large settlements of Sabatinovka culture with the compact planning have some quaziurban signs. But they were mainly agricultural settlements with indications of different level of development of non-food production and were not integrating economic, politic or ideological centers of the whole districts, places of concentration of largest mass of population, palace or temple centers with the functions of concentration and redistribution of surplus products. That is why any Sabatinovka settlements may not be called by prototowns.

А.С. Островерхов

РАННЕАНТИЧНАЯ ГЛИПТИКА

ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(VI-I вв. до Р.Х.)

Геммы малы, признаю, но они побеждают столетья!

С. Рейнак.

Наряду с письменными источниками и нумизматикой, глиптика является одним из наиболее информативных источников по истории античного Причерноморья. Глиптика позволяет проследить идеологические воззрения населения, экономические и культурные контакты того или иного центра в различные исторические периоды, а в ряде случаев — фиксировать наличие, уровень развития и специфику местного ювелирного мастерства. В отличие от монет, на которых пропагандировались, главным образом, социально значимые символы и атрибуты, на изделиях глиптики помещались изображения, отражавшие мировоззрение их владельцев (Furtwängler 1900; Книпович 1926; Захаров 1928; Максимова 1926; 1937; 1956; 1957; 1962; Неверов 1971; 1973; 1976; 1978; 1978а; 1983; 1988; 2000; Щербакова 1986; Островерхов 2006; Dimitrova-Milceva 1980).

В античном мире геммы и перстни, выполняли три функции: служили амулетами, печатями и украшениями. Иногда одна из них преобладала, но чаще все они оказывались неразрывно слитыми в одном изделии. У знатных греков и римлян геммы и перстни были обязательным предметом туалета и не только. По верованиям древних, все предметы, имевшие форму круга (о его особых свойствах см.: Бобринский 1902; Топоров, Мейлах 1992: 18-19; Бауэр, Дюмонтц, Головин 2000: 42), имели магические свойства, были надежной преградой от действий злых демонов и защитой от многих болезней и житейских невзгод (Чурсин 1927: 83-84;

1929: 26; Рыбаков 1981: 242; Фрззер 1986: 233-235). Выбор перстня, геммы с изображением того или иного божества или символа, а также материала, из которого они изготавливались¹ (Plin. N.H., XXVIII, 19-20), было делом личным и интимным. Поэтому, в отличие от монет, изображения на которых фиксируют в основном официальный пантеон того или иного города, глиптика помогает исследовать специфику народных верований и суеверий (Неверов 1983: 5-9, 30; Островерхов 1990).

Геммы и перстни, а также их оттиски на глиняных изделиях довольно часто находят на развалинах Ольвии (Кибальчич 1910: 8-15;² Максимова, 1926: 4-6; 1937: 253-254; 1956; Захаров 1928). Но в отличие от Боспора (Максимова 1957; 1962; Никулина 1964; Корпусова 1983: 61-64; Коровина 1987; Финогенова 1978;

¹ У древних народов существовала вера в особые самостоятельные сверхъестественные свойства некоторых материалов как природного происхождения — глины, металлов, самоцветов, так и их искусственных заменителей — стекла, «египетского фаянса» и т.д. Эти верования возникли еще на заре человеческой истории, но особенно популярными стали в античное время и были широко распространены на протяжении всей античной эпохи (Mely 1902; Неверов 1981; Русева 1992: 167; Дзиговский, Островерхов 2007). У греков существовала специальная литература по этому вопросу — лапидарии, фрагменты которых в большом количестве дошли до наших дней.

² Коллекция хранится в ГИМе (Москва). Многие экземпляры в издании А.А. Кибальчича воспроизведены нечетко. Их беглое описание не даёт полного представления о том или ином изделии. В корпус гемм (Захаров 1928) коллекция не вошла.

2001; Neverov 1995; Неверов 2000 и др.), Херсонеса (Щербакова 1986), Никония и Тиры (Клейман, Коциевский 1991; Батизат, Островерхов 2001; 2002; Бруяко, Островерхов 1993; 1997; Островерхов, Батизат 2002; Островерхов, Охотников 1996; 1997; 1998; 2001), о-ва Левке (Змеинового) (Охотников, Островерхов 1993: 62-69), скифских (Болтрик, Островерхов 1989: 24-25; 1992: 16-17; Березова 2001: 41-52; Островерхов, Редина 1991), позднескифских (Высотская 1980; Сымонович 1967) и сарматских памятников (Дзиговский, Островерхов 2000: 120-130), эта категория ольвийского материала редко подвергается специальному изучению и используется в обобщающих трудах по истории города (исключения: Крапивина 1989; Скржинская, 1986: 180-181; Скржинская 1987: 292-293; Большаков, Ильинская 1988; Русяева 1992: 167; Охотников, Островерхов 1993а; Островерхов, Охотников, Редина 1994; Буйских, Островерхов 1997: 69-70). В настоящее время назрела острая необходимость создания свода ольвийской глиптики.

На территории Ольвийского полиса произведения глиптики известны с архаического времени. В употреблении были металлические перстни, а также каменные геммы и их стеклянные реплики — так называемые литики. Геммы представлены скарабеоидами, то есть изделиями, воспроизводящими внешний вид священных египетских жуков-скарабеев,³

³ Литиками называются стеклянные реплики гемм и недекорированные вставки в металлические перстни. Термин происходит от древнегреческой кальки одного из египетских названий стекла — λίθος χιτή или же λίθινα χιτά («растакающийся камень», «плавленый камень») (Degey 1981: 84-85; Щапова 1983: 63). Вторая часть термина характеризует форму гемм, воспроизводящих внешний вид священных жуков древних египтян — скарабеев. Слово скарабей (scarabaeus) имеет латинское происхождение и означает род жуков, самки которых откладывают яйца в предварительно скатанные шарики из навоза. Из Египта амулеты с изображением священных жуков распространились по всему древнему миру. В Восточной Европе они появились ещё в период катакомбной культуры

и «ахеменидскими» цилиндрическими печатями-пронизьями. Большинство известных нам образцов ольвийских перстней и гемм — это инталии. В истории античной глиптики камни появились относительно поздно. Как стабильное явление они начинают проявлять себя на рубеже поздней классики и раннего эллинизма (Неверов 1988).

В оформлении раннеантичных гемм и перстней исследователи выделяют два основных направления: «восточно-греческое» и «греко-персидское» (Никулина 1969; 1994). Если в первом направлении видят в основном продукцию восточногреческих центров, то в отношении второго единого мнения нет. Одни учёные (Furtwängler 1900) отстаивают точку зрения эллинского авторства этих печатей. Другие исследователи, настаивая на их персидском происхождении, в то же время признают влияние на авторов этих произведений восточногреческого искусства (Книпович 1926; Максимова 1937; 1956).

Дискуссионным является вопрос о центрах производства рассматриваемых изделий. По мнению Н.М. Никулиной,

(Островерхов 2003-2004; 2004а), но особенно характерны для античного времени, когда начался активный процесс синкретизации египетских и древнегреческих культов. В это время изображения скарабеев и скарабеонды распространены в Средиземноморье, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, на берегах Эвксинского Понта и в глубинах Европейского континента. По поводу предназначения в инокультурной среде амулетов египетского типа существуют различные мнения. Большинство исследователей считает, что талисманы с изображением египетских богов и символов, попадая в иную культурную среду, теряли своё первичное содержание. Вместе с тем, нельзя забывать, что в античном мире религиозные воззрения египтян были чрезвычайно популярны и, трансформировавшись, стали частью античной синкретической культуры. Скарабей в индоевропейском контексте воплощали совсем иные, но не антогонистические египетским, космогонию и мифологию. Для индоевропейца скарабей также был хтоническим символом мирового значения, близким к сотворению мира (Коростовцев 1957; Пиотровский 1931: 28, 30; он же 1958; Виноградов 1968: 39; Коровина 1972: 111; Корпусова 1983: 82; Эдаков 1990: 7-8).

мастерские по изготовлению произведений глиптики, выполненных в традициях «восточно-греческого» направления, сосредотачивались в городах по побережью Малой Азии и на некоторых близлежащих островах, а также в резиденциях некоторых персидских и местных правителей, при дворах которых работали греческие художники, резавшие чеканы для монет и исполнявшие заказы местной знати. «Греко-персидские» геммы и перстни резались в южных и юго-западных районах Анатолии, главным образом, в Ликии и Карию (Никулина 1969: 112, 117). Некоторые исследователи предполагают, что в ряде крупных городов Северного Причерноморья существовало собственное производство стеклянных скарабеондов. Технология создания отливок настолько проста, что «не требовалось школы и долгих традиций для налаживания производства подобных копий каменных гемм, возможно, служивших дубликатами печатей городских магистратов или храмов...». На северных берегах Черного моря работали известные мастера глиптики, приезжавшие из метрополии. Занимались этим ремеслом и местные профессионалы. О местном производстве стеклянных скарабеондов могут свидетельствовать копирование изображений, помещавшихся на пантикапейских монетах, и наличие на некоторых из них дополнительных элементов, характерных для греко-скифского звериного стиля Северного Причерноморья (Неверов 1983: 108; Островерхов 2006: 151).

Сюжеты, встречаемые на ранних произведениях ольвийской глиптики, можно распределить на три группы: 1) изображения реальных и мифологических животных; 2) человеческие лица и фигуры; 3) многофигурные мифологические и аллегорические сцены.

Анималистическая тематика в древней глиптике всегда занимала одно из ведущих мест. Изображения животных были одним из главных жанров на ближневосточных и эгейских геммах IV – II тыс. до Р.Х. (Неверов 1983: 26). Не менее популярной эта тематика была и в античное время. Для

многих архаических и раннеклассовых обществ была характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступали в звериных обликах (Бессонова 1983: 77). Это касается и эллинов, у которых антропоморфный и зооморфный символизм сосуществовали и дополняли друг друга (Кагаров 1913; Лосев 1957; Nilsson 1974-1976).

На памятниках ольвийской глиптики представлены изображения хищных и травоядных животных, а также фантастических. В таком специфическом наборе образов отражалась присущая многим древним обществам модель мира, соотносимая с тремя уровнями космической модели. Здесь средствами зооморфного кода выражалась идея о четкой трёхчленной вертикально проецируемой системе: птицы — копытные — хтонические животные. Птицы связывались с небом, копытные — с реальным земным миром, а хтонические животные — с подземным царством (Бессонова 1983: 77; Раевский 1985: 111; Переводчикова 1994; Островерхов 2005: 219).

Из хищных животных на произведениях глиптики, найденных в Ольвии, особенно часто встречается изображение льва. Одними из наиболее ранних произведений этого жанра, являются два ионийских серебряных перстня, происходящие из некрополя Ольвии позднеархаического времени. У одного из них щиток в виде картуша, на втором — ромбовидный щиток, украшенный по углам электровыми гвоздями. Последний перстень имеет типичную для позднеархаических и раннеклассических перстней форму — массивную, расширяющуюся книзу «стремлявидную» дужку и узкий, листовидный щиток. На одном из перстней зверь показан с поднятым хвостом, на другом — животное готовится к прыжку. В изделиях прослеживаются все характерные черты позднеархаической глиптики — «эвритмии», главными из которых были ритм, симметрия и равновесие (Максимова 1956: 438-439, рис.1; Неверов 1983: 36; Скржинская 1987: 180-181).

На территории Ольвийского государства изображения львов продолжают встречаться на произведениях глиптики классического и раннеэллинистического времени. Так, на одном из стеклянных скарабеоидов V – IV вв. до Р.Х. (ИИМК, Ол-2779/135; Ол-1969: Раск. E-VIII, пом. IX) изображена профильная фигурка лежащего льва (рис. 1, 1).

В раннеантичное время геммы с изображением львиных фигурок были распространены как в Средиземноморье (Beazley 1920: 68, №82), так и на северных берегах Черного моря. Подобные геммы находят на Боспоре (ДБК 1848: атлас, табл. XVI, 88, 11; ОАК за 1859 г.: IX; ОАК за 1860 г.: атлас, табл. IV, 11; ОАК за 1882-1888 г.: CLXX; Лапо-Данилевский, Мальмберг 1894: 70-71, 157-159, табл. IV, 6; ГЭ, РАН. - №1906/3; 1913/32 и др.), в скифских (Островерхов 1996: 367, рис. 1, 1; 2006: 135, рис. 1, 5; 2, 1; 3, 1; Островерхов, Охотников 1996: 165-169, рис. 9, 5) и меотских памятниках (Галанина 1980: 42, 98, кат. №33). Об изготовлении гемм с профильными фигурами льва в древнегреческих городах северного побережья Черного моря может свидетельствовать появление образа этого животного на монетах Пантикапея. Идентичное курджипскому изображению видим на монетах города 359-349 гг. до н.э. (Анохин 1986: табл. 3, 99).

В ольвийской коллекции глиптики многочисленны изображения копытных. Крайне интересным является сердоликовый «ахеменидский» цилиндр с изображением лани в схеме «вытянутого галопа» (рис. 1, 2; рис. 2). Поджарое тело животного имеет удлинённые пропорции, тонкую высокую шею и длинный хвост. Изображение передних ног сбито. Но по композиционному построению фигуры животного можно предположить, что они были выкинуты вперед; задние ноги — отброшены назад. На голове изображены небольшие рожки и уши. Цилиндр найден при раскопках агоры (ИИМК: Ол.-1953. Раск. E, №1182/22).⁴

⁴ В отчете Т.Н. Книпович гемма названа обломком цилиндрической пронизи, изготовленной из серовато-розового камня, с резным изоб-

Подобные печати датируются VI – IV вв. до Р.Х. В Северном Причерноморье они встречаются относительно редко и часто носят следы вторичного использования (Силантьева 1959: рис. 24; Неверов 1983: 110-111; Неверов 1983а: 70-73; Neverov 1995: 72, Tab. XII, 2).

Нельзя не обратить внимание на близкое сходство изображения лани на цилиндре и этого же животного на костяной заготовке (рис. 3, 3) раннеклассического времени, происходящей из того же города. Исследователи относят памятник к ионийскому направлению в искусстве и считают, что сюжет был позаимствован из вазописи (Капошина 1950: 51, рис. 14; Островерхов 1984: 65, рис. 1, 4; 2005: 223, рис. 2, 4).

Близкой аналогией изображению на ольвийском цилиндре является печать с сюжетом «летающего» горного козла (Furtwängler 1900: Taf. XI, 21; Никулина 1969: табл. 1, 16). К этому же времени и стилю, очевидно, следует отнести и ольвийский сердоликовый скарабеоид с изображением приносимого в жертву горного козла, представленного с поджатыми конечностями (Kibaltchitch 1910: №32). Из Ольвии также происходит аметистовый скарабеоид (рис. 1, 3) с изображением козла, стоящего на задних ногах у ветвистого дерева, с коротким хвостиком-отростком, бородкой, большими острыми рогами и длинной шеей (Kibaltchitch 1910: №II, 53). Особое внимание привлекает происходящая из Ольвии (рис. 1, 4) ручка фасосской амфоры конца V–IV в. до Р.Х., на которой помещен оттиск⁵ металлического перстня

с изображением (НА ИА НАНУ. – 1953/5. №2010: 17, рис. 5).
⁵ Оттиски гемм и перстней на керамических изделиях в античных городах Северного Причерноморья встречаются довольно часто. Оттисками специальных штампов (Никулина 1981: 64 сл.), а также личных печатей владельцев керамических и металлургических мастерских, аграномов и других должностных лиц удостоверилось качество продукции. Подобное «частное» клеймение было эквивалентом подписей типа «Такой-то сделал» на расписных вазах (Максимова 1962; Неверов 2000: 27).

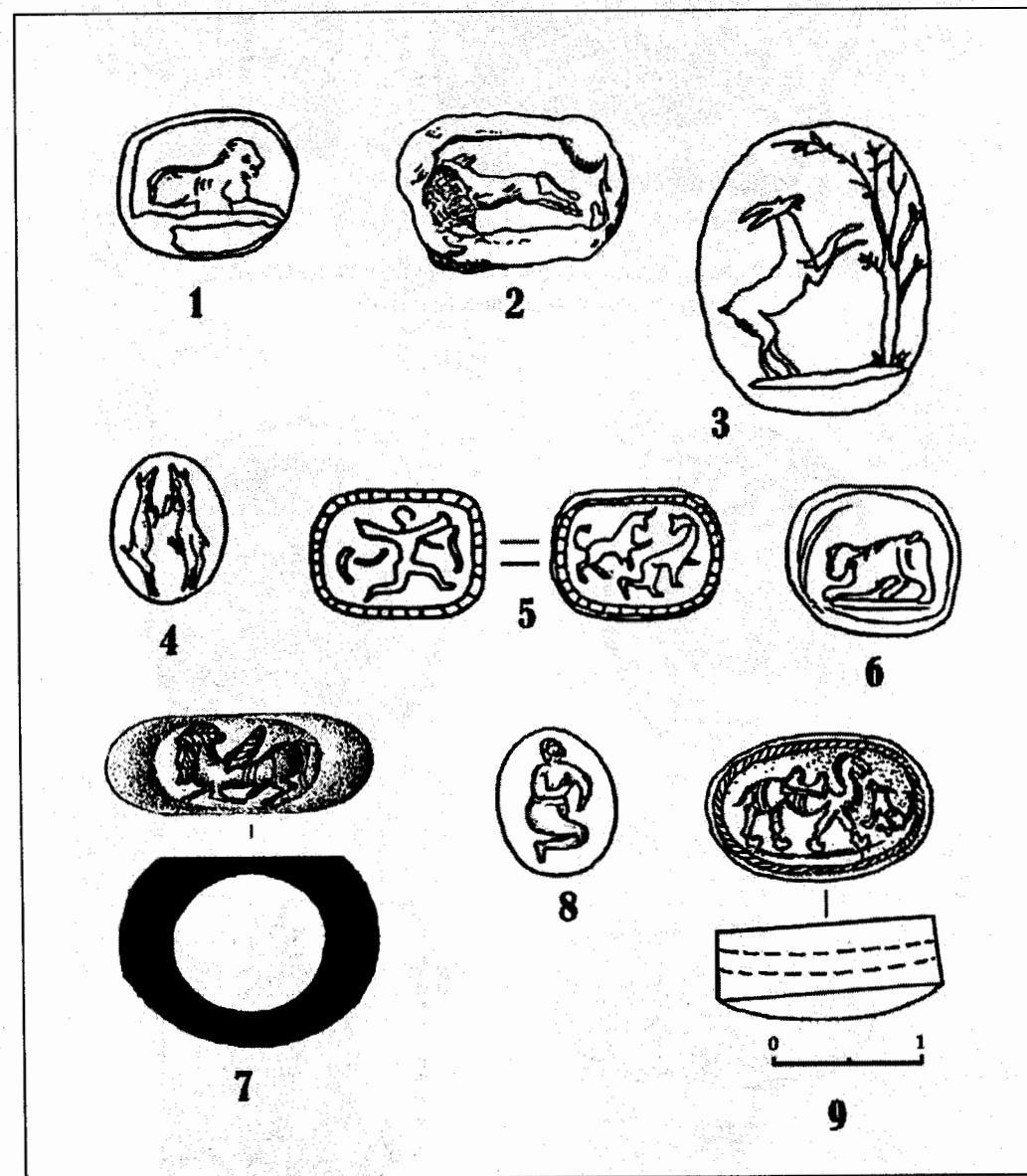

Рис. 1. Раннеантичные геммы, перстни и их оттиски на керамике из Ольвии и Берзани.

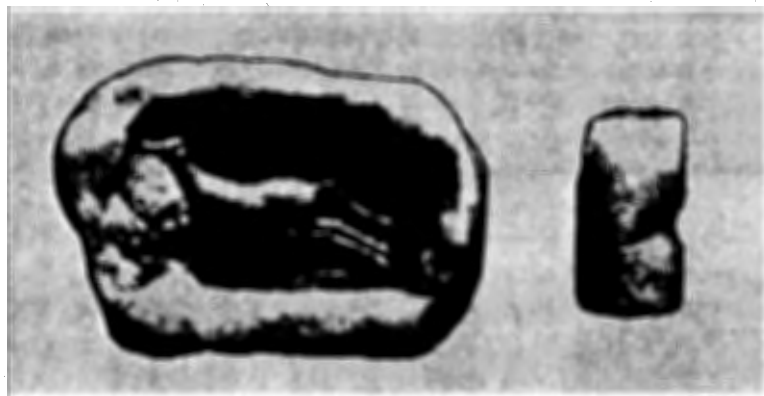

Рис.2. «Ахеменидская» сердоликовая печать из Ольвии с изображением лани (отгиск).

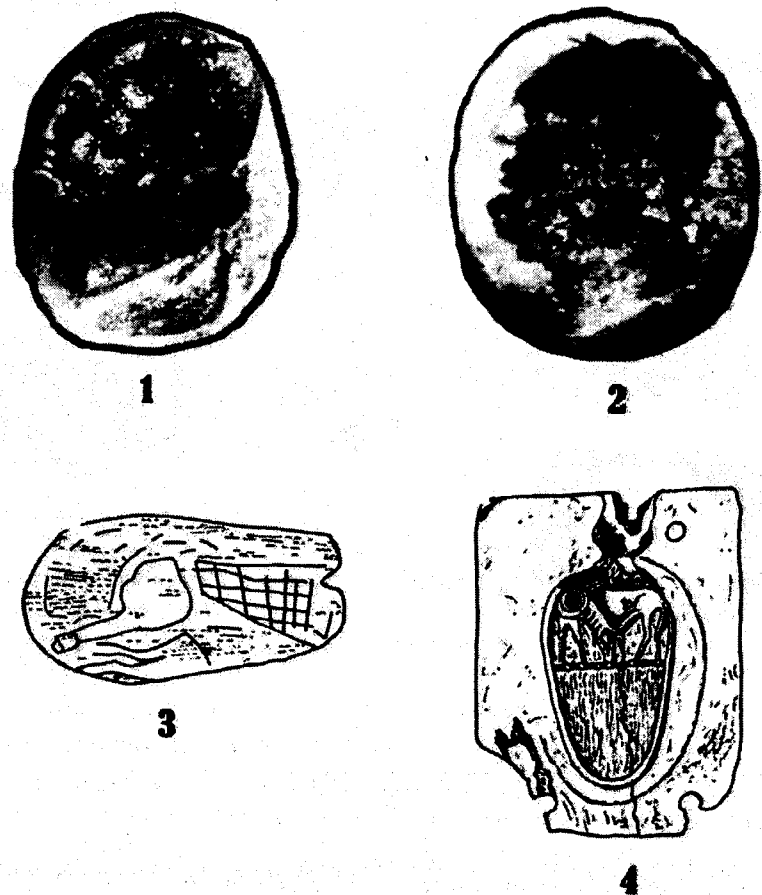

Рис.3. Бронзовые перстни эллинистического времени и памятники прикладного искусства классического времени из Ольвии и Березани: 1 — перстень с изображением Диоскуров; 2 — перстень с изображением Геракла (по В.П. Алексеву); 3 — костяная заготовка с изображением бегущего копытного животного; 4 — литейная форма для производства бутеролой мечей (Березань).

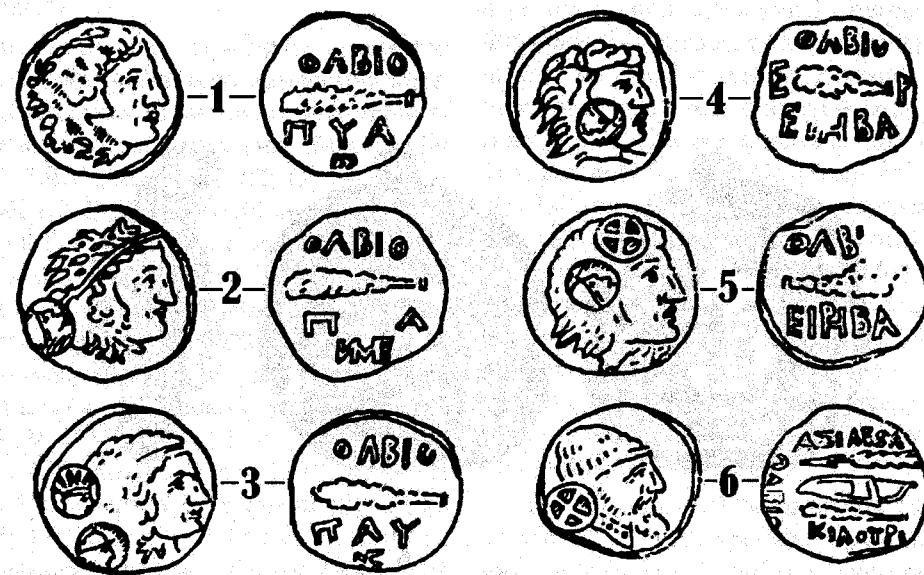

Рис.3а. Изображение головы Геракла и его символов на монетах Ольвии эллинистического времени (по: Карышковский 1988: 97-98, рис.9).

Рис.4. Типы женских лиц на литиках-скарабеоидах (1-2) и ольвийских монетах (3, по: Русяева, Русяева 1997: рис.53) конца V — IV вв. до Р.Х.

Рис.4а. Ольвийские «ассы» третьей четверти IV в. до Р.Х. с изображением Деметры (по: Русяева, Русяева 1997: рис.3).

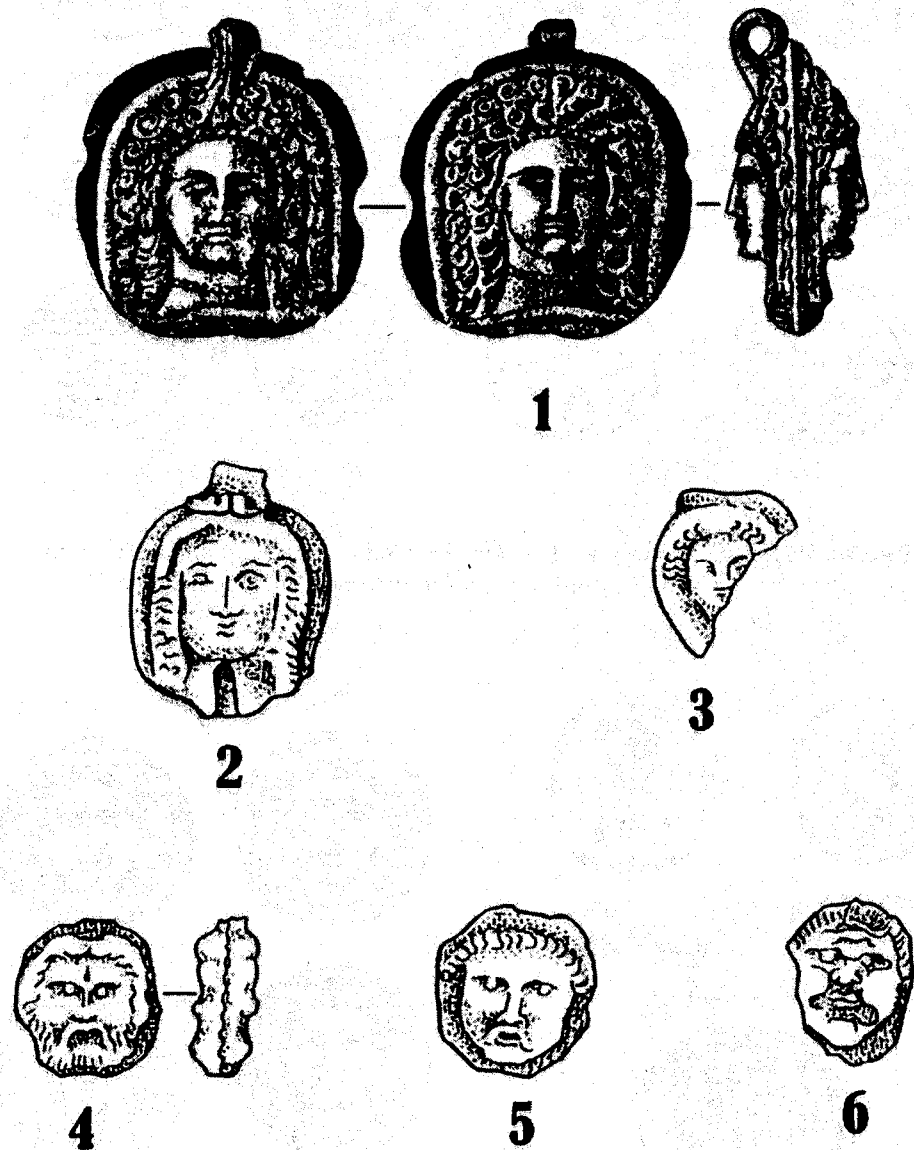

Рис.5. Стекланные подвески типа «Doppelköpfen» (по: Алексеева 1978: тип 181-182): 1 — скифский курган 4/1 могильника Носаки; 2 — поселение «Чайка», III в. до Р.Х.; 3 — Пантикапей (коллекция ОАМ, инв. №А-52497/4); 4 — Ольвия (коллекция ОАМ, инв. №А-52497/2); 5 — коллекция ОАМ, 6/№; 6 — Ольвия (коллекция КГИМ).

с изображением двух бодающихся козлов (Придик 1917: табл. XV, 28; Неверов 2000: 30, рис. 4).

Изображение копытных, особенно двух животных в геральдической позе, было излюбленным сюжетом глиптики классического времени (Furtwängler 1900: Taf. III, 26; XVII, 68; Lippold 1923: Taf. XCI, 7; Boardman 1975: №653). В Восточной Европе геммы с подобным сюжетом в различных вариациях известны с позднеархаического времени, но особенно популярными стали в V–IV в. до Р.Х. Их находят не только в городах Северного Понта, но и в Скифии (Kibaltchitch 1910: №III, 26; XVII, 68; LXI, 16; Островерхов 1996: 365, рис. 1, 3; 2006: 232-233, рис. 1, 3; 2; Островерхов, Охотников 1996: 166, рис. 9, 1-2). В античное искусство этот мотив пришел с востока. Он связан с идеей организованного пространства, «определявшей в течение долгого времени модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света». В то же время, изображение схватки двух итифаллических козлов, вставших на задние ноги и скрестивших рога, было распространенной дионисийской эмблемой (Раевский 1985: 97, 114-115; Неверов 2000: 30).

Наличие на фасосской амфоре оттиска перстня с изображением козлов в геральдической позе может свидетельствовать, что Фасос был одним из центров изготовления произведений глиптики с подобной тематикой.

Популярным в раннеантичной глиптике был и мотив оленя (Furtwängler 1900: XI, 25-26, 28; XIV, 13; Kibaltchitch 1910, I, 4, 29; II, 43; V, 160; IX, 277). Прототипами подобных изображений чаще всего служили сюжеты ранних ионийских монет (AGDS 1969: 172). Анималистические изображения были излюбленными в творчестве известного мастера глиптики второй половины V ст. до Р.Х. Дексамена Хиосского.⁶ В Эрмитаже имеется пантика-

⁶ Дексамен как художник сформировался на Хиосе. Он длительное время работал в Афинах, на его творчество значительное влияние оказало искусство Фидия. О.Я. Неверов высказал пред-

пейская гемма с изображением пасущегося оленя, имеющая признаки, свойственные продукции мастерской Дексамена. Фигурка благородного оленя воспроизведена на скарабеоиде из детского погребения IV в. до н.э. кургана 4 скифского могильника Носаки (Бидзиля др. 1977: 114, см. рис. на с. 61; Островерхов 2006: 132-133, рис. 1, 1). Художник передал образ спокойно пасущегося животного с большими ветвистыми рогами. Подобная реплика найдена в кургане Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 66). Не являются ли носакская и карагодеуашская реплики копиями гемм дексаменовского круга, изготовленными на северных берегах Понта?

В собрании Т.В. Кибальчича (Kibaltchitch 1910: №71) хранился двухсторонний, великолепной работы сапфировый скарабеоид. Он был приобретён в Херсоне. Это даёт основания предполагать, что гемма происходит из Ольвии или Березани. Изображение на одной из сторон полностью уничтожено; на другой помещено профильное изображение спокойно стоящей лошади перед яслями. Вверху читается надпись ОН. По форме, размерам и стилю исполнения скарабеоид можно датировать второй половиной V или же началом IV в. до Р.Х. В этой связи следует напомнить, что лошади были одним из любимых мотивов в творчестве Дексамена Хиосского. Одна из его гемм с изображением скачущей лошади, вырезанная на пёстрой жёлто-коричневой яшме, хранится в Эрмитаже. Подобная композиция помещена на инталии из Нимфея, хранящейся в Берлинском музее. В коллекции Бостонского музея находится ещё одна гемма, но с изображением спокойно стоящего животного. На халцедоновой гемме из Парижской Национальной библиотеки мастер вырезал коня, на которого напал

положение, что ювелир некоторое время жил и работал в Северном Причерноморье, в частности, в Пантикапее. На Боспоре найдено большое количество гемм и перстней, авторство которых приписывается этому художнику (Evans 1898: 333; Furtwängler 1900: 138; Неверов 1973: 51; 1983: 41).

грифон (AGDS. 1969, II. №197; Неверов 1973; 1983: 42-43, рис.3, 12-13; Neverov 1995: 73, tab.XII, 7). Манеру резчика или его ближайших последователей — выразительность силуэта, виртуозная моделировка формы и тончайшие штрихи алмазной иглы — мы узнаём и на гемме, купленной в Херсоне.⁷

Из раскопок Ольвии (ИИМК, Ол.2943/122) происходит литик-скарабеоид IV — III вв. до Р.Х., изготовленный из прозрачного янтарно-желтого стекла, с изображением бодающего быка (рис.1, 6). Аналогичная реплика, числящаяся как найденная в Ольвии, хранилась и в коллекции Т.В. Кибальчица (Kibaltchitch 1910: №40).

Мотив бодающего быка был широко распространен в раннеантичной глиптике (Furtwängler 1900: №IX, 19; XXIV, 72; XXV, 22, 28; XXVIII, 65, 72; XXIX, 53-54; XLI, 11). Скарабеоиды с подобными изображениями, особенно их стеклянные реплики, встречаются в античных (Kibaltchitch 1910: №30, 36, 263; ГЭ, PAN.1873/164) и скифских (Болтрик, Островерхов 1989; Островерхов 2006: 134-135, рис.1, 4; Островерхов, Редина 1991)

⁷ В связи с поднятым вопросом хотим остановиться ещё на одной литейной форме из Березани, предназначавшейся для отливки бутеролой с изображением фигуры пасущегося коня (рис.3, 4). Изображение выполнено в традициях древнегреческого реалистического искусства. По нашему мнению, здесь в зооморфном виде представлен речной бог Гипанис. Согласно мнению некоторых лингвистов, античная этимология названия Южного Буга имеет в своей основе корень от слова «гиппос» — конь. Гидроним же «гипанис» переводится как «конная река». Этимологическая связь с конем фиксируется как у истоков реки, так и у её устья (Herod. IV, 17, 52). Некоторые филологи полагают, что это название в переводе с древнегреческого дословно обозначает «прекрасноконные» или же «потомки прекрасноконных отцов» (Люперольский 1887). Небезынтересен и тот факт, что Станиславов мыс — крайняя точка левого берега устья Бугского лимана — в античное время назывался Гипполаевым мысом. Таким образом, образовавшаяся «вилка» фиксирует тесную связь бога Гипаниса с образом коня, изображение которого видим на березанской форме.

памятниках Северного Причерноморья. Изображение заимствовано резчиками печатей из монетного дела. Одними из наиболее ранних являются изображения бодающего быка на фурийских статерах, выпускавшихся ≈ 412 г. до Р.Х. (Tier- und Pflanzenbilder... 1889: Taf.III, 46). Позже они появляются на монетах Гераклеи Понтийской (Анохин 1977: 19-20) и ряда других полисов (AGDS 1969: №II, 171). В Северном Причерноморье подобные мотивы встречаются на монетах Тире, датированных 370-360 гг. до Р.Х. (Анохин 1989: №422-426), и Херсонеса Таврического — I в. до Р.Х. — III в. по Р.Х. (Анохин 1977: №200-201, 258-260, 270-272, 280-282, 285, 292-294). Принято считать, что в этом сюжете отражена легенда о поиске Гераклом критского быка (Русяева 2005: 450; Русяева, Русяева 1999: 129-131). Бык был персонификацией рек, в частности, Борисфена (Карышковский 1967) и Тираса (Островерхов, Охотников 1997). Культ Геракла в Ольвии с различной степенью интенсивности прослеживается на протяжении всей истории полиса (Русяева 1992: 123-137; 2005: 453-454).

В ольвийской подборке имеются геммы и перстни с изображением миксантропических фантастических существ восточного типа. В одной из частных одесских коллекций хранится обоюдо-выпуклый литик-скарабеоид из прозрачного светло-зеленого стекла. На одной из сторон видим профильное изображение идущего «крылатого сфинкса-грифона» с львиным туловищем и мужской бородатой головой в высоком головном уборе, из-под которого ниспадают длинные пряди волос. Размеры изделия, форма и цвет стекла свидетельствуют, что данная реплика относится к конечному этапу существования печатей этого типа и может быть датирована концом IV — III вв. до Р.Х.

Значительный интерес представляет редкий массивный перстень, изготовленный из халцедона-сапфирина (ОАМ, №А-52406). Перстень поступил в Одесский музей в 1924 г. и числится как найденный

в Ольвии.⁸ На щитке перстня помещено профильное изображение божества типа «крылатого кентавра». Чудовище имеет непомерно большую человеческую голову, украшенную пышной ухоженной бородой и тюрбаном, конское туловище с крыльями, большим крупом и хвостом; непропорционально короткие ноги поджаты в жертвенной позе под туловищем (рис.1, 7).

К этому кругу памятников примыкают инталии: из Парижской Национальной библиотеки — с изображением крылатого быка, из Эрмитажного собрания — с изображением фантастического существа типа крылатого сфинкса (Никулина 1969: табл.I, 18, 20). В Оксфордском музее хранится халцедоновый скарабеоид, происходящий из Нимфея. На нем изображено стоящее на задних лапах чудовище в виде крылатого льва (Neverov 1995: 73, Tab.XII, 4). Хотя стиль этих изображений выдает работу «восточно-греческих» мастеров позднейшего классического времени, сам образ взят из персидского или же «греко-персидского» искусства.

Интересна и ольвийская серия с изображением антропоморфных богов. Одним из самых ранних образцов гемм подобного плана является сердоликовый овальный скарабеоид с двухсторонним изображением (Kibaltchitch 1910: №107, 109). На одной из сторон помещено плоскостное, словно графическое, изображение спокойно стоящего воина, выполненное в архаизирующем стиле. Об этом свидетельствуют не только угловатость и статичность фигуры, но и ракурс её изображения: туловище — строго в профиль, голова повернута на ¾ к зрителю. Одет воин в длинный, ниже колен, парадный плащ. Его голову украшает коринфский шлем с гребнем. В правой руке воин держит круглый щит, в левой поднятой вверх руке — копье, заброшенное

⁸ Каменные и стеклянные перстни, копирующие металлические прототипы, появились в раннеэллинистическое время (Младенова 1963: 307, №1000; Сорокина 1966; Haevernick 1969; Островерхов 2006: 149).

за шею. Между ногами прослеживается изображение какого-то предмета, возможно, змеи. В раннеантичной глиптике подобные изображения хорошо известны (Furtwängler 1900: Taf. XV, 23, 29-30, 37, 43, 47, 52; XVI, 13, 41). Встречаются они и в Северном Причерноморье (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 158, табл.IV, 7), в том числе в Скифии (Островерхов, Охотников 1996: 167, рис.10, 1; Островерхов 2006: 139, рис.4, 2).

Близкой аналогией ольвийской находке является раннеэтрусская гемма, датированная концом VI или началом V в. до Р.Х. (Неверов 1983: 57, рис.4, 6; Neverov 1981).⁹ Это Афина (Неверов 1983: 57). Однако, в отличие от поздних типов, где эгида покрывает лишь плечи богини, она опускается ниже колен и украшена оторочкой, которая, вероятно, имитировала золотые кисти (Hom. II., II, 466-468). На обратной стороне геммы, в стиле искусства высокой классики представлена профильная голова бородатого Геракла или же Зевса, влево. Все это позволяет датировать рассматриваемую ольвийскую гемму не позже первой половины середины V в. до Р.Х.

Началом V в. до Р.Х. датируется ионийский электровый перстень, на щитке которого помещена угловатая фигурка девушки с протянутыми руками. Девушка изображена с большой головой и крупным «неклассическим» носом. Обычно сюжет перстня интерпретируют как изображение девушки, играющей в мяч. Однако, по мнению О.Я. Неверова (Неверов 1983: 36-37), на гемме помещена Дана, к которой спускается с небес Зевс в виде каплей золотого дождя. В ряде случаев подобные изображения сопровождаются именем Данаи.

На ручке фасосской амфоры конца V

⁹ Привлечение в качестве аналогий этрусских гемм представляется вполне оправданным. Об этрусской глиптике А. Фуртвенглер писал: «Теперь выявляется её двойная высокая значимость, во-первых, потому, что многие находки греков дошли до нас только в её переработках, а затем — потому, что это самое лучшее и совершенное, чего вообще смог достичь художественный дух этрусков» (Furtwängler 1900: 170).

– начала IV в. до Р.Х. из Березани (Придик 1917: табл. XV, 33; Неверов 2000: 30-31, рис. 5) металлическим перстнем оттиснуто изображение купальщицы, распространенного в классической глиптике сюжета. Присевшая на корточки обнаженная женщина словно снимает с рук последние украшения, намереваясь погрузиться в ванну (рис. 1, 8). Особенно популярным этот сюжет был в творчестве Дексамена Хиосского и его последователей. Подобные изображения передают образ Афродиты (Неверов 1978: №1; 1983: 37; Vickers 1979: Pl. 17d-e; Neverov 1995: 72, Tab. XI, 6). находка представляется неслучайной в связи с недавним открытием на острове святилища Афродиты в ипостаси Урании — богини неба и моря, или же Эвплойи, «счастливо плавающей» (Назаров 2001; Русяева 2005: 298).

Концом V – началом IV в. до Р.Х. датируется овальный оттиск перстня на ручке амфоры неизвестного центра, найденной в Ольвии (Придик 1917: табл. XV, 19; Неверов 2000: 29). На нем видим изображение атлета, играющего с мячом. Очень близкую аналогию этому изображению находим на рельефе, украшающем надгробие палестрита V в. до Р.Х. из Афин: без помощи рук, держа их за спиной, юноша подкидывает коленкой мяч (Reinach 1912: 388). Возможно, амфора, найденная в Ольвии, предназначалась для перевозки оливкового масла, использовавшегося для натирания тела перед спортивными состязаниями. О существовании в городе гимнасиев и палестр свидетельствуют письменные источники и археологические находки (Островерхов 1995).

В классическое время на юге Восточной Европы широкое распространение получили перстни, каменные геммы и литики-скарабеиды с изображением женских и мужских голов. В ольвийской коллекции женские мифологические образы репрезентированы двумя типами. На первом из них (напр., ГЭ. Ол. №11567) воспроизводится изображение головы девушки с ожерельем на шее или молодой женщины анфас (рис. 4, 2). Крупные черты, какая-то особенная грубоватость и полнокровность лица, далекого от класси-

ческого идеала красоты, прическа с пробором, облегающая голову, массивный подбородок и толстая короткая шея выдают руку мастера, близкого к ионийскому направлению. Подобные изображения были широко распространены в раннеантичной нумизматике и глиптике (Furtwängler, 1900: Taf. IX, 40; XXIV, 46; XXV, 35; XXVI, 11, 16, 23; Panofka 1852: Taf. IV, 4). Соответствующие литики-скарабеиды встречаются и в скифских курганах Нижнего Поднепровья (Болтрик, Островерхов 1989: 24; Островерхов, Охотников 1996: 167, рис. 10, 5; Островерхов 2006: 140, рис. 5, 3). Близкие по стилю изображения отмечены на серии ольвийских больших бронзовых «ассов» с изображением Деметры (рис. 4а), датированных третьей четвертью IV в. до Р.Х. (Карышковский 1988: 58; Анохин 1989: 32-33; Русяева, Русяева 1997: 32-33, рис. 3).

В классическое время в античном мире (Panofka 1852: Taf. III, 37; LVIII, 46; LXV, 23; Furtwängler 1900: Taf. IX, 38; XIII, 2; XX, 50; XXVI, 20, 27; XXXII, 35-36, 38; XXXIII, 1-2, 21; XLVII, 47-48; Walters 1926: №579; AGDS 1969: II, 319-322), в том числе Восточной Европы (Kibaltchitch 1910: VI, 188, 190, 192-193; XVI, 450-457; XVII; Граков 1954: 109; Неверов 1983: 108) и конкретно в Ольвии (Kibaltchitch 1910: VI, 175, 177, 184-185; ГЭ. Ол. №1811) широкое распространение получили скарабеиды с профильным изображением вытянутого женского лица с классическим профилем, украшенного пышной прической типа «*λάμπραδιον*» («факелок»). Уши украшены длинными подвесками или серьгами (рис. 4, 1).

По мнению О.Я. Неверова, сюжет также был заимствован из нумизматики. Близкие изображения встречаем на драхмах Коринфа второй половины V в. до Р.Х. В ольвийской глиптике подобный тип изображений появляется в первой половине IV в. до Р.Х., но своей вершины он достигает на золотых и серебряных монетах (рис. 4, 3) третьей четверти того же столетия (Зограф 1951: 127; Карышковский 1986: 97; Русяева, Русяева 1997: 34, рис. 34).

Среди мужских персонажей следует отметить находку в Ольвии овального, 1,4 × 1,2 см, литика-скарабеоида из синего стекла с изображением профильной головы Аполлона (Kibaltchitch 1910: №221). Подобная стеклянная реплика найдена в кург. 17 некрополя Танаиса (ИАК 1913. Вып. 35: 118, рис. 26; ГЭ. Т.Е. 1909/47). Оба изделия датируются IV в. до Р.Х. Культ Аполлона занимал ведущее место в пантеоне Ольвии доримского времени (Русяева 1992: 29-55; 2005: 204-315). Остается только удивляться малому количеству находок предметов глиптики с изображением этого бога, находимых на территории этого города.

Бронзовый литой перстень эллинистического времени из Ольвии (рис. 3, 2). На щитке овальной формы, 2,8 × 2,1 × 1 см, вырезано профильное изображение головы Геракла с мощной шеей, низким покатым лбом, прямым широким носом, короткими волосами, плотно прилегающими к голове, и маленькой бородкой. Голова увенчана лавровым венком (Алексеев 2007: 43, №6). находка в Ольвии такого перстня не является случайной. Во второй половине III-II до Р.Х., после длительного перерыва, под влиянием Херсонеса в нижнебугском полисе вновь наблюдается распространение культа этого героя. Его изображение появляется на монетах города (рис. 3а). Известны находки терракот, каменного рельефа и вотивов в виде палицы героя. Следы почитания Геракла прослеживаются и на поселениях Нижнего Побужья. В это время он считался защитником полиса и покровителем эфебов (Карышковский 1988: 98, рис. 9, 1-6; Крыжицкий и др. 1989: 145-146; Русяева 1992: 123-127; 2005: 453-454).

К III в. до Р.Х. относится массивный бронзовый перстень с рельефным изображением Диоскуров — покровителей мореплавания (рис. 3, 1). Щиток овальной формы размером 2,8 × 2,8 см. Шинка плоская, шириной от 0,55 до 0,9 см, толщиной 0,2 см. Диаметр изделия 2,3 см. Перстень найден на ольвийском городище (Алексеев 2007: 42, №5). Подобный перстень, найденный в Пантикапее, считается продукцией Александрии (Неверов 1974: 107, 113,

табл. №28а). В Ольвии доримского времени функционировало небольшое святилище Диоскуров; на эллинистических монетах города помещалась их символика — звезда и пилосы в сочетании с эмблемами или атрибутами других божеств, в частности, Деметры, Борисфена и, особенно, Аполлона (Карышковский 1988; Анохин 1989; Русяева 1992: 116-118; 2005: 481).

Особую группу двухсторонних стеклянных камней позднеклассического и раннеэллинистического времени составляют двухсторонние подвески с изображением мужских и женских лиц в фас (рис. 5). В мужских образах исследователи обычно усматривают Зевса-Баала, в женских — Деметру-Тиннит. Подобные украшения получали прессовкой в двухсторонних формах. Чаще всего использовалось прозрачное синее (кобальтовое), зеленое, бирюзовое или глухое черное стекло. В немецкой специальной литературе такие камни получили название «*Doppelköphen*» («двойная голова»). Ареал распространения подобных изделий охватывает практически всю античную ойкумену. Хорошо они известны и в Восточной Европе (Наевтнич 1968; Алексеева 1978: 62, 74, табл. 34, 12-17; Бидзиля и др. 1977: рис. 19, 14; Островерхов 1985: 101), в том числе и в Ольвии (Островерхов 1990б).

В античном искусстве долгое время существовал запрет на изображение смертных людей, изображались лишь бóги. В V – IV вв. до Р.Х. этот запрет осмеливались нарушать лишь самые смелые и свободолюбивые художники. В монументальном искусстве это был Фидий; в глиптике — Дексамен Хиосский (Ернштадт 1925). В различных музеях мира хранится несколько десятков подписных, а также приписываемых этому мастеру гемм и перстней. Большая часть из них найдена в Северном Причерноморье — на Боспоре и в Никонии. И это не удивительно. Ведь, по мнению ряда компетентных исследователей, Дексамен длительное время работал на северных берегах Черного моря (Evans 1898; Максимова 1962: 190-191, рис. 2; Неверов 1973; 1983: 70-71; Neverov

1995: 72, Pl.XI, 4; Diehle 1967: 44, Abb.1; Vickers 1975: Pl.XVII, b-d; Островерхов, Охотников 1998: 53-54).

Находки раннеантичных портретных гемм известны и в Ольвии. Одна из них хранилась в коллекции Т.В. Кибальчица (Kibaltchitch 1910: №207). Скарабеоидная сапфировая инталия, 1,0 × 0,9 см, приобретена в Одессе. По словам продавца, она была найдена в Ольвии. На гемме с большим реализмом изображена профильная голова пожилого «философа» с большим лысым лбом и бородой, вправо. Она выполнена в лучших традициях школы Дексамена Хиосского и может датироваться второй половиной V в. до Р.Х.

К изделиям портретной глиптики начала III в. до Р.Х. относится перстень, на щитке которого помещено изображение головы жены Птолемея II Филадельфа Арсиной II или же Береники II (Неверов 1974: 109). Однозначная интерпретация образа затруднительна, поскольку иконография изображений Арсиной II и Береники II очень близка — та же прическа, те же черты лица и посадка головы. Подобные перстни считаются изделиями мастерских Александрии и найдены во многих центрах Северного Причерноморья. По мнению исследователей, такие перстни с северных берегов Понта, скорее всего, принадлежали морякам и торговцам, совершавшим небезопасные плавания к берегам Египта (Захаров 1928; Коровина 1987; Неверов 1976а; 1983: 72-77; Neverov 1996: 73, Pl.XIII, 1-2; Финогенова 2001; Батизат, Островерхов 2002).¹⁰

В подборке предметов глиптики, найденных на территории Ольвийского полиса, известны изделия с изображением мифолого-аллегорических и «бытовых» сюжетов, появившихся в античном искусстве в архаическое время (Неверов 1983: 34-35). Одна из наиболее ранних скарабеоидных гемм подобного рода найдена при раскопках Г.Л. Скадовского на Березани. Кратко опре-

¹⁰ Жены Птолемея считались покровительницами мореплавателей, являлись носительницами сакрального эпитета «Спасительница» и отождествлялись с Исидой (Латышев 1910: 38 сл.).

деленная Б.А. Тураевым (Тураев 1911: 81, №7) как «гемма с изображением на обеих сторонах» (рис.1, 5),¹¹ она позже была переиздана (Большаков, Ильинская 1988: 58-59, рис.4) и проинтерпретирована (Охотников, Островерхов 1993а).

Оба рисунка выполнены эскизно и обрамлены штриховым ободком. Такие ободки и плетёнки являются одним из характерных признаков гемм позднеархаического и отчасти раннеклассического времени. Они как бы замыкают изображение и усиливают декоративную узорчатость резьбы (Неверов 1983: 35). На одной стороне инталии помещено изображение крылатого антропоморфного существа в окружении змей, одну из которых оно держит в руке. На другой стороне, как полагал Б.А. Тураев, изображены два коня или же конь и лев, однако, судя по трактовке лап, хвостов и голов животных, — это, скорее всего, грифоны.

Близкое по стилю изображение видим на гемме из скифского кургана №13 V в. до Р.Х. у с. Большая Знаменка в Нижнем Поднепровье (Отроценко, Рассамкин 1985: 49-53, вклейка; 1985а: 242; Островерхов, Охотников 1996: 163-164, рис.9, 10). Стилистические аналогии березанским изображениям находим на некоторых навкратийских фаянсах (Naukr.I: №140-141, 145). В божестве со змеями мы усматриваем паредров змееногой богини в Северо-Западном Причерноморье — Ахилла или же Геракла (Herod.IV, 8-10, 82), но не классического дорического героя, а то местное божество, о пребывании которого на Понте рассказывали северопричерноморские эллины (Болтенко 1962: 16-20; Лапин 1978: 23; Карышковский, Клейман 1985: 61-62; Островерхов 2007: 92-93; Островерхов, Охотников 1997; Охотников, Островерхов 1993а: 69-74, рис.15, 1; Островерхов, Суботин 2002: 254-256, рис.1, 2; Ср.: Русяева 1990: 49; 1991: 96-116; 1992: 123-127; 2005: 472 сл.).

К архаическому времени относится инталия, найденная на территории Оль-

¹¹ К сожалению, материал, из которого был изготовлен скарабеоид, а также его размеры, предшествующие исследователи не сообщают.

вийской хоры в начале XX в. На круглом белом камне вырезаны две фигуры, вооруженные мечами и щитами (ОАК за 1908 г.: 89, рис.77-78). Как нам представляется, гемма также соотносится с культом Ахилла в ипостаси война. При исследовании Бейкушского святилища героя найдены граффити с изображением героя в воинском снаряжении (Buiskih 2000).

В 1924 г. в ОАМ поступил великолепной работы скарабеоид из халцедона-сапфирина. В музейном Каталоге Э.Р. Штерна (Va/1296; инв.№А-52404) указывается, что гемма найдена в Ольвии и подарена музею неким Посковым. На плоской стороне печати помещена композиция, созданная в лучших традициях «восточногреческого» направления в искусстве глиптики: двугорбый верблюд идет вправо, перед ним сидит лающая собака (рис.1, 9).

На северных берегах Черного моря раннеантичные геммы с изображениями верблюдов встречаются относительно редко. Так, на инталии из Анапы (Kibaltchitch 1910: 282) изображен гружённый товарами верблюд с погонщиком. На гемме из копенгагенского собрания изображены верблюд и две собаки (Furtwängler 1900: Taf.XXV, 55). Одна из них идет впереди, служа проводником. К её ошейнику прикреплен длинный поводок, конец которого держит в зубах верблюд. Вторая собака сидит на спине у верблюда. В одной из её лап — палица или плеть. Семантически близким к этим геммам является и изображение на стеклянной отливке из скифского кург. 21/2 (340-320 гг. до Р.Х.) у с. Гюневка в Нижнем Поднепровье (Болтрик 1990: 42, рис.9; Островерхов 2006: 143, рис.6, 2). На выпуклой стороне скарабеоида изображён погонщик с мулом или ослом. На спине животного размещены тюки с товарами. На голове мужчины — головной убор типа тюрбана. В левой руке погонщик держит повод; правая — откинута назад. Этим приемом резчик пытался передать движение.

В данном случае мы имеем дело с религиозно-мифологическими композициями. В архаическое и классическое время верблюды

и ослы на северных берегах Черного моря были экзотическими животными (Цалкин 1960: 50). В то же время, верблюды и собаки занимали важнейшее место в зороастризме. Так, верблюд считался одной из инкарнаций Веретрагны — иранского бога войны и победы. Даже само слово «заратуштра» по различным версиям этимологически может обозначать «имеющий старых верблюдов», «тот, кто ведет верблюдов» или же «лицо, обладающее верблюдами». Собаки играли особую роль в погребальном культе зороастрийцев. Они считались проводниками душ умерших в загробный мир. Присутствие собак при умирающем символизировало уничтожение всего грязного, порочного и безнравственного. Как полагали верующие, взгляд собаки был способен прогнать «насу» и злых духов (Абаев 1956; 1974; Воусе 1979; Бойс 1987; Дорошенко 1982).

Геммы с зороастрийскими сюжетами и ранее встречались в некрополях античных городов Северного Понта. Наиболее наглядным является происходящий из некрополя Нимфея литик-скарабеоид с двусторонним изображением. Литик найден в погребении первой половины V в. до Р.Х. и, вероятно, был личной печатью знатного воина, хозяина крупных стад скота. На лицевой стороне печати в реалистическом стиле изображена корова с телёнком; на обратной — крылатый солнечный диск Ахурамазды, верховного божества зороастрийского и ахеменидского пантеонов. Обе эмблемы повторяются на монетах 420-380 гг. до Р.Х. малоазийского города Тарса (Силантьева 1959: 56, рис.24, 2; Неверов 1983: 108; Neverov 1995: 72-73, №15, Pl.XII, 3; Островерхов 2006: 143, рис.6, 1).

О распространении зороастрийских воззрений среди населения античных городов Северного Понта, возможно, свидетельствует и наличие в ряде некрополей Боспора захоронений, совершенных по так называемому обряду выставления (Сорокина, Сударева 2001; 2002: 284; Соловьев 2002: 102). Не менее интересными являются и несколько жертвенных погребений собак на ольвийском некрополе. Древнейшие из них датируются серединой — третьей четвертью IV в. до Р.Х.,

но большинство относится ко II в. до Р.Х. — II в. по Р.Х. Наиболее интересной является «коллективная могила» времен осады Ольвии войсками Зопириона. В ней находилось 52 скелета, включая детей и «рабов» в кандалах. В этой же яме были найдены скелеты трех собак. Казненные были перебежчиками, перешедшими на сторону Зопириона. За это их побили камнями, а затем расстреляли из луков (Козуб 1984: 162-164; Виноградов 1989: 163, прим.87). Как считает В.А. Папанова, собаки были жертвоприношением Гекате (Папанова 2006: 203). Действительно, в древнегреческой религии и мифологии собака была воплощением хтонических сил, культовым животным не только Гекаты, но и других подземных богов. Согласно верованиям, если душа не попадает в загробный мир, она остается в промежуточном мире в виде собаки и негативно влияет на судьбу живых людей (Schlerath 1954: 27).

Культе собак и волков на территории Ольвийского полиса и в Нижнем Поднепровье был распространен с архаического времени (Русяева 1982: 138-139; Островерхов 2005; Островерхов, Отрешко 1986; 1994). Мясо этих животных использовалось, возможно, с культовыми или же лечебными целями (ср.: Plut. Quest. Rom., 68), для еды (Журавлев 1981; 1983; 1987; Секерская 1989: 106). Однако мы все же должны констатировать исключительный и довольно поздний характер этих погребений для ольвийского некрополя. Греки приносили собак в жертву лишь в редких случаях, но не клали туши убитых животных в могилы.¹² Подобный обычай имел иранское, возможно, зороастрийское происхождение. В иранском кочевом мире — у саков, савроматов, сарматов и скифов — образ собаки и элементы зороастрийс-

¹² В некрополях других городов Северного Понта погребения собак также встречаются очень редко. Так, в кургане Васюрина Гора на Боспоре скелет собаки находился возле лестницы, которая вела в склеп (Шульц 1953: 63). Подобные погребения известны в варваризированных могилах некрополя Нимфея (Ростовцев 1993: 389; Грач 1999) и Илурата (Кубланов 1979: 92, рис.1, 7), где также датируются эллинистическим и римским временем.

кого мировоззрения появились очень рано. В этом плане становится понятным и сопровождение «рабов» животными из рода *Canis*. Восставшие, как свидетельствуют античные авторы, были скифами или, возможно, ранними сарматами, самоназвание которых — «собаки».¹³ Даже в чрезвычай-

¹³ Собаки маркируют нижний мир на оленьих камнях и других культовых памятниках евразийских степей первой половины — середины I тыс. до Р.Х. (Савинов 1980). На территории Бактрии обычай погребения собак известен с середины I тыс. до Р.Х., но особое распространение получил в кушанское время (Литвинский, Седов 1984: 161 сл.). Подобные комплексы известны в памятниках уюкской культуры скифо-сарматского времени на территории Тувы (Маннай-Оол 1970: 97). Среди жертвенных животных в могиле Синташты — памятнике, связанном с передвижением индоиранцев на запад, были и собаки (Генинг 1977: 66-67, 70; Gening 1979: 17, 20, 25-26). Комплекс скифо-сарматского времени с погребениями нескольких собак исследован в Усуньском кургане в Казахстане (Акишев 1978: 61-62). Погребения собак зафиксированы в савроматских и сарматских погребениях Приуралья и Поволжья (Смирнов 1959: 316; 1964: 102; Шилов 1975: 115). Кости собаки встречаются в скифских погребениях классического (Ростовцев 1993: 437; Бобринский 1894: 85) и позднего времени. В мавзолее Неаполя Скифского найдены три скелета собак: один лежал на полу рядом с погребениями коней, второй — вместе с человеческим погребением и третий — как страж — вблизи дверей гробницы. Подобные погребения встречаются и на других позднескифских могильниках. Это было обрядовое магическое действие, направленное на защиту могил от грабителей. На одном из надгробий из Неаполя Скифского видим изображение двух собак, бегающих по полю среди трупов погибших (Шульц 1953: 91, рис.15а; Вязмитина 1972: 93, 169; Высотская 1979: 171). Обряд погребения собак фиксируется и у сарматов Северного Причерноморья (Вязмитина 1954: 222; Субботин, Дзиговский 1990: 10). Наиболее ранними являются погребения этих животных в катакомбных могилах Тираспольщины IV — II вв. до Р.Х. Некоторые исследователи связывают приднестровские погребальные памятники с сираками (Яровой, Четвериков 2000: 4-6; Дзиговский 2003: 29).

О тесной связи сарматов с собаками свидетельствует своеобразная «билингва» — золотая пластина из Дунарасти, где видим изображение трех бегущих собак и сарматскую тамгу, близкую к тамгам Фарзоя (Иштванович, Кульчар 1998: 11, рис.10, 2).

ных условиях ольвиополиты не посмели нарушить религиозные предписания своих врагов иранцев и отправили в последний путь приговоренных к смерти в сопровождении собак.

В настоящей публикации мы задействовали лишь незначительную часть материалов. Но и они свидетельствуют о том, что в раннеантичное время на территории Ольвийского полиса в широком употреблении были изделия глиптики. Они представлены металлическими и каменными перстнями, каменными и стеклянными геммами. Известны оттиски перстней и гемм на керамике. Доминируют инталии. Камеи появляются в позднеклассическое время. Выделяются изделия, выполненные в «восточнотракийском» и «греко-персидском» стилях. Значительная часть изделий глиптики завозилась из метрополии. Часть металлических перстней, каменных и стеклянных гемм могли производить-

ся в северопричерноморских мастерских резчиками штемпелей и ювелирами, работавшими на монетных дворах. Инструмент резчика был портативным, а ювелиры были достаточно мобильным отрядом художников (Неверов 1973: 51, 107-108; 1983: 45, 108-109; Островерхов, Охотников 1997: 231). Как показали исследования, на протяжении длительного времени на монетном дворе Ольвии работали как выдающиеся приезжие мастера, так и местные ювелиры (Зограф 1951: 126-132; Карышковский 1986; 1988; Анохин 1989; Русяева, Русяева 1996; Русяева, Русяева 1997). В плане количественного и качественного потребления изделий глиптики Ольвийское государство на протяжении всей своей истории мало чем отличалось от Боспора, городов Западного и Восточного Причерноморья, находки в которых традиционно репродуцируются в отечественных и зарубежных изданиях.

- Абаев В.И. 1956. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv orientální. Praha. T. XXIV. F.1.
- Абаев В.И. 1974. Миф и история в Гетах Зороастра // Историко-филологические исследования. М.
- Акишев А.К. 1978. О погребении собаки в Усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. №154.
- Алексеев В.П. 2007. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12. Т.2.
- Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12. Т.3.
- Анохин В.А. 1977. Монетное дело Херсонеса. К.
- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. К.
- Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С. 2001. Литик-скарабеонид с изображением «хоровода» мышей из Никония // Ольвия та античний світ. К.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С. 2002. Новые памятники эллинистической глиптики из Нижнего Поднепровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.). Тирасполь.
- Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. 2000. Энциклопедия символов. М.
- Березова С.А. 2001. Персні із скіфських пам'яток в колекції Музею історичних коштовностей України // Музейні читання. К.
- Бессонова С.С. 1983. Религиозные представления скифов. К.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. К.
- Бобринский А.А. 1902. О некоторых символических знаках, общих первобытной семантике всех народов Европы и Азии. М.

Болтенко М.Ф. 1962. Herodotenea // МАПІ. №4.

Бойс М. 1987. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.

Болтрик Ю.В. 1990. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. №4.

Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. 1989. Сюжеты на литиках-скарабеоидах из скифских памятников Поднепровья и Подунавья // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. К.

Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. 1992. Литик-скарабеонд из скифского кургана у с. Большая Белозерка // Киммерийцы и скифы. ТДК. Мелитополь.

Большаков А.О., Ильина Ю.И. 1988. Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. №3.

Бруяко И.В., Островерхов А.С. 1993. Литик-скарабеонд из Никония // ДП КС ОАО. Одесса.

Бруяко И.В., Островерхов А.С. 1997. Геммы из некрополя Никония римского времени // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Буйских С.Б., Островерхов А.С. 1997. Навкратийский скарабей из античного святилища на Бейкушском мысу // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварской культур. Тирасполь.

Виноградов В.Б. 1968. Место египетских амулетов в религиозно-магической символической // Археолого-этнографический сборник. Грозный.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса. VII – I вв. до н.э. М.

Высотская Т.Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. К.

Высотская Т.Н. 1980. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. №1.

Вязьмитина М.И. 1954. Сарматские погребения у с. Новая Филиппова // ВССА. М.

Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник. К.

Галанина Л.К. 1980. Курджипский курган. Л.

Генинг В.Ф. 1977. Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен // СА. №4.

Горбунова К.С. 1983. Чёрнофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. №36.

Грач Н.Л. 1999. Некрополь Нимфея. СПб.

Дзиговский А.Н. 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2000. Перстень-печать из сарматского погребения у с. Михайловка // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я. Одеса.

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2004. Пам'ятки звірино стилю з мікрорегіону «Тилігул» та деякі питання історії Північно-Західного Надчорномор'я ранньолінійного часу // Записки історичного факультету ОНУ. Вип.15. Одеса.

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2007. До сарматського сакрального матеріалознавства // Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Одеса.

Дорошенко Е.А. 1982. Зороастрийцы в Иране. М.

Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА. №16.

Ернштадт Е.В. 1925. К вопросу о стиле резчика Дексамена // ИРАИМК. Вып. 4.

Журавлёв О.П. 1981. Фауна поселения Черноморка-II (по материалам костных остатков) // Использование методов естественных наук в археологии. К.

Журавлёв О.П. 1983. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. К.

Журавлёв О.П. 1987. Osteологические данные и история животноводства в Нижнем Побужье в античное время // Методы естественных наук в археологии. К.

Захаров А.А. 1928. Геммы Государственного исторического музея // Тр.СА РАН. М.

Иллюстрированный энциклопедический словарь. Мифология. 1996. СПб.

Иштванович Э., Кульчар В. 1998. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VI археологического семинара. Краснодар.

Кагаров Е.Г. 1913. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.

Капошина С.И. 1950. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. Т.XXXIV.

Карышковский П.О. 1968. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. Т.П (35).

Карышковский П.О. 1986. О монетном искусстве догетской Ольвии // ПДИСЗП.

Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. К.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К.

Кибальчич Т.В. 1910. Южнорусские геммы (неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России). Берлин.

Клейман И.Б., Коциевский А.С. 1991. Геммы из Тире // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К.

Книпович Т.Н. 1926. «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа. Вып. III. Л.

Козуб Ю.И. 1984. Историческая топография некрополя Ольвии // АКСП. К.

Кореняко В.А. 2002. Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т.1.

Коровина А.К. 1972. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории // ВДИ. №1.

Коровина А.К. 1987. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. Вып. 8 (Культура и искусство античного мира). М.

Коростовцев М.А. 1957. Древнеегипетские находки в СССР // ВИМК. №2.

Корпусова В.Н. 1983. Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. К.

Кравівіна В.В. 1989. Залізний перстень з Ольвії // Археологія. №3.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. К.

Кубланов М.М. 1979. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. Вып. 159.

Кубышев А.И., Островерхов А.С. 1997. Стекланные погребальные «кулоны» раннеэллинистического времени из Северного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс... Тирасполь.

Лапин В.В. 1978. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // НА ИА НАНУ. К. Ф. 24.

Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. 1894. Курган Карагодеуашх // МАР. №13.

Латышев В.В. 1910. Неизданные горгиппийские надписи // ИАК. Вып. 37.

Литвинский Б.А., Седов А.В. 1984. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Лосев А.Ф. 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. М.

Люперсольский П.И. 1887. Что такое ΕΛΗΝΕΣ ΣΚΥΘΑΙ у Геродота IV, 17? // ЖМНП. №2.

Максимова М.И. 1926. Античные резные камни Эрмитажа. Л.

Максимова М.И. 1937. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. №1.

Максимова М.И. 1956. Резные камни // АГСП. М.-Л.
Максимова М.И. 1956а. Ритон из Келермеса // СА. Вып. XXV.
Максимова М.И. 1957. Боспорская камнерезная мастерская // СА. №4.
Максимова М.И. 1962. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. №103.
Маннай-Оол М.Х. 1970. Тува в скифское время (уюкская культура). М.
Миллер В.Ф. 1876. Значение собаки в мифологических верованиях. М.
Младенова Я. 1963. Предметы от стекла и алабастр от некрополя на Аполония // Аполлония. Раскопките в некрополя на Аполония през 1947-1949 г. София.
Назаров В.В. 2001. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. №1.
Неверов О.Я. 1971. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л.
Неверов О.Я. 1973. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л.
Неверов О.Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. №1.
Неверов О.Я. 1976. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.
Неверов О.Я. 1976а. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТрГЭ. Т. XVII (Культура и искусство античного мира). Вып. 5.
Неверов О.Я. 1978. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. Л.
Неверов О.Я. 1978а. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // М.М. Кобылина. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.
Неверов О.Я. 1981. Магические амулеты императорской эпохи // Искусство и религия. Л.
Неверов О.Я. 1983. Геммы античного мира. М.
Неверов О.Я. 1983а. Фрагмент ахеменидского цилиндра из Херсонеса // СГЭ. Вып. 49.
Неверов О.Я. 1988. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л.
Неверов О.Я. 2000. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб.
Никулина Н.М. 1964. Перстни из Фанагории // СА. №3.
Никулина Н.М. 1969. К вопросу о «восточно-греческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. №3.
Никулина Н.М. 1981. Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. №4.
Никулина Н.М. 1994. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М.
Островерхов А.С. 1984. Образ птицы в ольвийской школе звериного стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.
Островерхов А.С. 1985. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. №3.
Островерхов А.С. 1990. Стеклянные геммы на Юге Восточной Европы (V – III вв. до н.э.) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.
Островерхов А.С. 1990а. Стеклянные антропоморфные бусы-маски в памятниках на Юге Восточной Европы V–III вв. до н.э. // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса-Запорожье.
Островерхов А.С. 1990б. Стеклянные уплощенные подвески из Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТДК. Ч. 2. Херсон.
Островерхов А.С. 1995. Борисфенівські Олімпіади // Київська старовина. №3. К.

Островерхов А.С. 1996. Торговля стеклянными бусами на Юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
Островерхов А.С. 2003-2004. Древние «фаянсы» в памятниках эпохи бронзы — начала железа в Восточной Европе (III – первая половина I тыс. до Р.Х.) (парадигмы артефактов) // STRATUM+. №2.
Островерхов А.С. 2004. Стародавні «фаянси» як історичне явище у пам'ятках епохи бронзи – початку заліза на території Східної Європи (III – перша половина I тис. до н.е.) // СППК. Т. XI.
Островерхов А.С. 2005. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (конец VI – III вв. до н.э.) // ССИА. Т. 2.
Островерхов А.С. 2006. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.) // ВДИ. №2.
Островерхов А.С. 2007. Рец.: Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху (Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев). – К.: Изд. дом «Стилос», 2005. – 559 с. // Археологія. №2.
Островерхов А.С., Батизат Г.В. 2002. Новые материалы к корпусу глиптики из Тиры // Северное Причерноморье в античное время. К.
Островерхов А.С., Отрешко В.М. 1986. Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.
Островерхов А.С., Отрешко В.М. 1994. Костяной амулет с поселения Чертоватое VII под Ольвией // ДП. КС ОАО. Одесса.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. 1996. Раннеантичные стеклянные геммы из Северного Причерноморья // Мир Ольвии. К.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. 1997. Бронзовый перстень раннеэллинистического времени из Тиры // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. 1998. Портретный литик-скарабеоид из Никония // ДП. IV чтения памяти П.О. Карышковского. ТДК. Одесса.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. 2001. Глиптика Никония и его округи // Ольвия та античний світ. К.
Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1994. Материалы к корпусу раннеантичной глиптики из Ольвии // ТДК, посвященной 200-летию начала раскопок в Ольвии. Парутино.
Островерхов А.С., Редина Е.Ф. 1991. Литик-скарабеоид из скифского кургана Мреснота Могила // ТДК. Одесса.
Островерхов А.С., Субботин Л.В. 2002. Божества Никония по случайным находкам культовых изделий // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.
Отрошенко В., Рассамакін Ю. 1985. Скарби тринадцятого кургану // Наука і суспільство. №12.
Отрошенко В., Рассамакін Ю. 1985а. До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. Вип. 19. К.
Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1993. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). К.
Охотников С.Б., Островерхов А.С. 1993а. Скарабеоид с Березани // ДП КС ОАО. Одесса.
Папанова В.А. 2006. Урочище Сто Моги (некрополь Ольвии Понтийской). К.
Переводчикова Е.В. 1994. Язык звериных образов. М.
Пиотровский Б.Б. 1931. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // СГАИМК. №6.

Пиотровский Б.Б. 1958. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. №1.

Придик Е.М. 1917. Инвентарный каталог клейм. Пгр.

Раевский Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Ростовцев М.И. 1993. Боспорское царство // ПАВ. СПб.

Ростовцев М.И. 1993а. Сарматы // ПАВ. СПб.

Русяева А.С. 1982. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI – I вв. до н.э.). К.

Русяева А.С. 1990. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. К.

Русяева А.С. 1991. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ. К.

Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.

Русяева А.С. 2005. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. К.

Русяева А.С., Русяева М.В. 1996. Символика и художественные особенности монет Ольвии VI–V вв. до н.э. // Мир Ольвии. К.

Русяева А.С., Русяева М.В. 1997. Символика та художні особливості монет Ольвії пізньоархаїчного та класичного часів // Археологія. №4.

Русяева А., Русяева М. 1999. Верховная богиня античной Таврики. К.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.

Савинов Д.Г. 1980. Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово. Т.1.

Секерская Е.П. 1989. Остеологический материал античных поселений Нижнего Поднестровья VI–III вв. до н.э. // АПСПиП. К.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея // Некрополи некоторых боспорских городов. МИА. №69.

Скржинская М.В. 1986. Украшения и предметы туалета. Перстни, кольца и печати // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. К.

Скржинська М.В. 1987. Антична гема із Ольвії // Наука і культура. Україна. Вип. 21. К.

Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у сел Иловатовка и Политотдельское Сталинградской обл. // МИА. №60.

Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы. М.

Селовьев С.Л. 2002. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб. Ч.1.

Сорокина Н.П. 1966. Стекланные перстни из Прикубанья в собрании ГИМ // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып.40.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2001. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI – V вв. до н.э. (постановка вопроса) // ДБ. №4.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И. 2002. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Препринт. К.

Сымонович Э.А. 1967. Две геммы из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // ВДИ. №2.

Топоров В.Н., Мейлах М.Б. 1992. Круг // МНМ. Т.2.

Тураев Б.А. 1911. Скарабеи с острова Березани // ИАК. Вып.40.

Финогенова С.И. 1978. Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет // ВДИ. №2.

Финогенова С.И. 2001. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им.А.С. Пушкина // ВДИ. №2.

Фрэзер Дж. Дж. 1986. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.

Четвериков И.А. 2002. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этно-политической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Чурсин Г.Ф. 1927. Культ железа у кавказских народов // ИКИАИ. Махачкала.

Чурсин Г.Ф. 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала.

Цалкин В.И. 1960. История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. №53.

Штаерман Е.М. 1985. От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. Т.1. М.

Штаерман Е.М. 1987. Социальные основы религии Древнего Рима. М.

Шульц П.Н. 1953. Мавзолей Неаполя Скифского. М.

Щапова Ю.Л. 1983. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.

Щербакова В.С. 1986. Античные печати Херсонеса как исторический источник. Автореф. диссерт... канд. истор. наук. М.

Эдаков А.В. 1990. К вопросу о культурных связях Египта со Скифией // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. V семинар. ТДК. Ростов-на-Дону.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь.

Beazley J.D. 1920. The Lewes House collection of ancient gems. Oxford.

Boardman J. 1975. Intaglios and Rings. London.

Boyce M. 1979. Zoroastrians: Their Beliefs and Practices. London.

Buiskih S. 2000. Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbin Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della chora coloniale dall'occidente al Mar Nero. Taranto.

Deroy L. 1981. Linguistique et histoire du verre antique // Ann... du 8e CAHV. Liège.

Diehle E. 1967. Eine Gemme des Dexamenos // Berliner Museen. N.F.

Dimitrova-Milceva A. 1980. Antike Gemmen und Kameen aus dem Archaeologischen Nationalmuseum in Sofia. Sofia.

Evans A. 1898. The Athenian Portrait-Head by Dexamenos of Chios // RA.

Furtwängler A. 1900. Die antiken Gemmen. Bd.1-3. Berlin.

Gening V.F. 1979. The Cemetery at Sintashta and Early Indo-Iranian Peoples // Indo-European studies. Vol.7 (1).

Haevernick Th. E. 1968. Doppelköphen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. H.7/8. Rostock.

Kibaltchitch T.W. 1910. Gemmes de la Russie Meridionale. Mars.

Lippold G. 1923. Gemmen und Kameen des Altertums und der neue Zeit. Stuttgart.

Mely de F. 1902. Les Lapidaires de l'antiquité. Vol.III. Paris.

- Neverov O. 1981. Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // Studi Etruschi. Vol. XLIX. Ser.III.
- Neverov O.J. 1995. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. Warszawa. T.XLVI.
- Nilsson M.P. 1974; 1976. Geschichte der griechischen Religion. Bd.1-2. München.
- Nowak H. 1960. Zur Enwicklungs-geschichte des Begriffes Daimon. Bonn.
- Panofka T. 1852. Gemmen mit inschriefften in den Königlich-museen zu Berlin, Haag, Kopenhagen, London, Paris, Peterburg und Wien. Berlin.
- Reinach S. 1912. Répertoire de reliefs Grecs et Romains. Vol.II. Paris.
- Schlerath B. 1954. Der Hund bei den Indogermanen // Paideuma. T.6.
- Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. 1889. Leipzig.
- Vickers M. 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.
- Walters H.B. 1926. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London.

SUMMARY

Clause is devoted to the characteristic of glyptic of Olbia Pontica in early antique time. The glyptic include metal and stone seal-rings, stone and glass gems. Impressions of seal-rings and gems on ceramics are known. Intaglios dominate. Cameos appear in the late classical time. There are pieces executed in «east-greek» and «greek-persian» styles. The significant part of glyptic products was imported. A part of metal rings, stone and glass gems could be made by local and visiting engravers, which worked on mints, in workshops on the northern coast of Black sea. The Olbian glyptic does not differ practically from one of Bosphorus, cities on the Western and East Black Sea Coast.

Л.В. Носова

ИМПОРТ ИЗДЕЛИЙ ИЛИ «ИМПОРТ» ТРАДИЦИИ

(в связи с новыми находками «иллирийских булавок»
в Северо-Западном Причерноморье)

Пути формирования и этнический состав населения греческих апокрий и поселений их хоры — лишь один из многочисленных вопросов, которые ставит перед исследователями тема взаимоотношений греков и варваров Северного Причерноморья в эпоху архаики. Среди различных точек зрения на эту проблему¹, наиболее последовательной представляется позиция авторов, которые, «признавая примат греческого воздействия на демографическую и, конечно же, экономическую ситуацию в районах, охваченных колонизационным процессом, одновременно полагают все же и значительное по своим размерам участие туземцев в формировании культурного облика и этнического состава сельского населения Нижнего Побужья, Поднепровья и Северной Добруджи» (Марченко 2005: 74).

Надо отметить, что тезис о гетерогенности обитателей греческих городов и их хоры в архаический — раннеклассический период подразумевает не только формирование населения из двух компонентов — эллинов и варваров. Это положение включает и этническую неоднородность как варварского местного компонента (оседлые племена лесостепи, скифско-кочевники, выходцы из фракийского мира), так и переселявшихся в Северное Причерноморье колонистов. Среди последних, кроме греков (в основном, из Малой Азии), вероятно, были и выходцы из других этнических групп (Зубарь, Сон 2007: 45; Соловьев 2007). Все эти факторы неизбежно должны были «наложить определенный отпечаток не только на этнический облик населения Нижнего

Побужья (и Поднепровья — *Авт.*), но и на его материальную культуру» (Зубарь, Сон 2007: 45).

Стремление разобраться в «варварской» составляющей стимулировало интерес специалистов (и античников, и скифологов) к проблеме неоднократных культурных импульсов в Северное Причерноморье из Карпато-Дунайского региона. Степень и формы воздействия таких импульсов особенно живо стали обсуждаться в последние десятилетия, когда, не преуменьшая роли «восточного» — скифского — фактора, исследователи попытались привлечь внимание к влияниям «запада» (Мелюкова 1979: 162, 181; Марченко 1974; Марченко 1988: 83-85, 110-112, 126; Марченко, Соловьев 1988; Романчук 1999: 268-271; Смирнова 2001; Бруяко 2005: 192-195, 208 и др.). Конечно, никто из археологов, говорящих о значимости юго-западных элементов в формировании культурной ситуации на северных берегах Понта Евксинского, не подразумевает буквально масштабную «иллирийскую» или «фракийскую» экспансию. Однако мнение, что находки в нашем регионе типичных, например для Балкан, артефактов могут свидетельствовать не только о моде на определенные изделия и о широкой торговле ими, но и о притоке самих носителей соответствующих традиций кажется достаточно убедительным.

Настоящая статья — попытка на примере одного типа артефактов выявить и проследить возможные пути поступления и распространения в регионе вещей, субстратные территории которых расположены далеко за пределами Северного Причерноморья. Речь пойдет о двойных бу-

¹ Подробнее см.: Марченко 2005: 74-84; Буйских 2007.

- Neverov O. 1981. Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // Studi Etruschi. Vol. XLIX. Ser.III.
- Neverov O.J. 1995. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. Warszawa. T.XLVI.
- Nilsson M.P. 1974; 1976. Geschichte der griechischen Religion. Bd.1-2. München.
- Nowak H. 1960. Zur Enwicklungsgeschichte des Begriffes Daimon. Bonn.
- Panofka T. 1852. Gemmen mit inschriefften in den Königlichten museen zu Berlin, Haag, Kopenhagen, London, Paris, Peterburg und Wien. Berlin.
- Reinach S. 1912. Répertoire de reliefs Grecs et Romains. Vol.II. Paris.
- Schlerath B. 1954. Der Hund bei den Indogermanen // Paideuma. T.6.
- Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. 1889. Leipzig.
- Vickers M. 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.
- Walters H.B. 1926. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London.

SUMMARY

Clause is devoted to the characteristic of glyptic of Olbia Pontica in early antique time. The glyptic include metal and stone seal-rings, stone and glass gems. Impressions of seal-rings and gems on ceramics are known. Intaglios dominate. Cameos appear in the late classical time. There are pieces executed in «east-greek» and «greek-persian» styles. The significant part of glyptic products was imported. A part of metal rings, stone and glass gems could be made by local and visiting engravers, which worked on mints, in workshops on the northern coast of Black sea. The Olbian glyptic does not differ practically from one of Bosphorus, cities on the Western and East Black Sea Coast.

Л.В. Носова

ИМПОРТ ИЗДЕЛИЙ ИЛИ «ИМПОРТ» ТРАДИЦИИ

(в связи с новыми находками «иллирийских булавок»
в Северо-Западном Причерноморье)

Пути формирования и этнический состав населения греческих апокрий и поселений их хоры — лишь один из многочисленных вопросов, которые ставит перед исследователями тема взаимоотношений греков и варваров Северного Причерноморья в эпоху архаики. Среди различных точек зрения на эту проблему¹, наиболее последовательной представляется позиция авторов, которые, «признавая примат греческого воздействия на демографическую и, конечно же, экономическую ситуацию в районах, охваченных колонизационным процессом, одновременно полагают все же и значительное по своим размерам участие туземцев в формировании культурного облика и этнического состава сельского населения Нижнего Побужья, Поднестровья и Северной Добруджи» (Марченко 2005: 74).

Надо отметить, что тезис о гетерогенности обитателей греческих городов и их хоры в архаический — раннеклассический период подразумевает не только формирование населения из двух компонентов — эллинов и варваров. Это положение включает и этническую неоднородность как варварского местного компонента (оседлые племена лесостепи, скифско-кочевники, выходцы из фракийского мира), так и переселявшихся в Северное Причерноморье колонистов. Среди последних, кроме греков (в основном, из Малой Азии), вероятно, были и выходцы из других этнических групп (Зубарь, Сон 2007: 45; Соловьев 2007). Все эти факторы неизбежно должны были «наложить определенный отпечаток не только на этнический облик населения Нижнего

Побужья (и Поднестровья — *Авт.*), но и на его материальную культуру» (Зубарь, Сон 2007: 45).

Стремление разобраться в «варварской» составляющей стимулировало интерес специалистов (и античников, и скифологов) к проблеме неоднократных культурных импульсов в Северное Причерноморье из Карпато-Дунайского региона. Степень и формы воздействия таких импульсов особенно живо стали обсуждаться в последние десятилетия, когда, не преуменьшая роли «восточного» — скифского — фактора, исследователи попытались привлечь внимание к влияниям «запада» (Мелюкова 1979: 162, 181; Марченко 1974; Марченко 1988: 83-85, 110-112, 126; Марченко, Соловьев 1988; Романчук 1999: 268-271; Смирнова 2001; Бруйко 2005: 192-195, 208 и др.). Конечно, никто из археологов, говорящих о значимости юго-западных элементов в формировании культурной ситуации на северных берегах Понта Евксинского, не подразумевает буквально масштабную «иллирийскую» или «фракийскую» экспансию. Однако мнение, что находки в нашем регионе типичных, например для Балкан, артефактов могут свидетельствовать не только о моде на определенные изделия и о широкой торговле ими, но и о притоке самих носителей соответствующих традиций кажется достаточно убедительным.

Настоящая статья — попытка на примере одного типа артефактов выявить и проследить возможные пути поступления и распространения в регионе вещей, субстратные территории которых расположены далеко за пределами Северного Причерноморья. Речь пойдет о двойных бу-

¹ Подробнее см.: Марченко 2005: 74-84; Буйских 2007.